

ВСТУПЛЕНИЕ

Различные бывают свисты: свистит аквилон (северный ветер), проносясь по полям и дубравам; свистит соловей, сидя на ветке и любуясь красотами творения; свистит хлыстик, когда им сильно взмахиваешь по воздуху; свистит благоденственный юноша в знак сердечного удовольствия; свистит городской на улице, когда того требует общественное благо... Спешим предупредить читателей, что мы из всех многообразных родов свиста имеем преимущественную претензию только на два: юношеский и соловьиный. Свист аквилона, конечно, имеет свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубом взвывая прах летучий, сей ветер своим свистом приводит душу в трепет и благоговение. Но монополия аквилонного свиста давно уже приобретена г. Байбородою, которого изобличительные письма, говорят, вырывают дубы с корнями¹. Мы не чувствуем в себе столь великих сил, и наши стремления гораздо умереннее. Свист хлыста и бича — тоже не дурен; но он как-то мало ласкает наш слух, мы не хотим брать на него привилегию, брошенную недавно самим князем Черкасским², который пожелал было приобрести ее на неопределенное время для себя и своего потомства. Приятнее звучит для нас свист городского; но мы, по природной застенчивости, считаем себя не вправе предъявлять претензию на то, для чего уже существует установленная городская власть. Совершенно другое дело — свист благоденственного юноши, почтительный, умеренный и означающий кроткое расположение духа, хотя в то же время несколько игривый. На такой свист мы имеем полное право, потому что, во-первых, мы благоденственны; во-вторых, если мы и не юноши, то кому какое дело до наших лет? и в-третьих, мы всегда находимся в

отличнейшем расположении духа. Свист соловья также нам очень приличен, ибо хотя мы в сущности и не соловьи, но красотами творения любим наслаждаться. Притом же соловей в истинном своем значении есть не что иное, как подобие поэта, так как давно уже сказано:

Соловей, как Щербина, поет.

А у нас в природе весьма много поэтических элементов, вследствие чего мы и видим весь мир в розовом свете. Итак — читателю да будет известно, что мы свистим не по злобе или негодованию, не для хулы или осмеяния, а единственно

5

от избытка чувств, от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольства всем на свете. Наш свист есть соловьиная трель радости, любви и тихого восторга, юношеская песнь мира, спокойствия и светлого наслаждения всем прекрасным и возвышенным.

Итак — наша задача состоит в том, чтобы отвечать кротким и умильным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в литературе. Преимущественно литература занимает и будет занимать нас, так как ее современные деятели представляют в своих произведениях неисчерпаемое море прекрасного и благородного. Они водворяют, так сказать, вечную весну в нашей читающей публике, и мы можем безопасно, сидя на ветке общественных вопросов, наслаждаться красотами их творений...

6